

Отчисление из аспирантуры Льва Владимировича Черепнина в контексте истории советской исторической науки

Н. Д. Гилевич

Для цитирования: *Гилевич Н. Д.* Отчисление из аспирантуры Льва Владимировича Черепнина в контексте истории советской исторической науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. Вып. 1. С. 179–195. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.111>

В статье рассматривается феномен существования и активной деятельности аспирантов из числа историков-немарксистов в СССР в 1920-х гг. За основу взят факт отчисления из аспирантуры Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук Льва Владимировича Черепнина в 1929 г. К тому моменту Черепнин активно занимался научно-архивной работой под руководством таких крупных специалистов старой школы, как А. И. Яковлев и С. Б. Веселовский, имел научные публикации, а также неортодоксальные с позиции историков-партийцев взгляды на методологию истории, в рамках которых он допускал возможность синтеза марксизма с идеями М. Вебера. Взгляды части аспирантов, отличные от марксистской позиции, были в целом известны партийным органам, но не воспринимались до определенного времени как нечто требующее принятия радикальных мер в отношении аспирантов или преподавателей Института истории. Однако XV съезд ВКП(б) провозгласил усиление борьбы на идеологическом и культурном направлениях. В духе этого решения съезда в начале 1928 г. в стенном журнале Института истории появляется ряд статей за авторством Б. Ф. Поршнева и В. З. Зельцера о том, что идеи Маркса табуированы для части аспирантов. Особенно плохой ситуация с освоением аспирантами марксизма была в секции русской истории, где наиболее ярким аспирантом-немарксистом был Черепнин. Когда в 1928–1929 гг. против Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук развернулась критика, вылившаяся в проверку учреждения, связанную с претензиями к немарксистской подготовке части аспирантов, Черепнин стал одним из тех аспирантов, которые подверглись нападкам из-за их научных взглядов и впоследствии были

Никита Дмитриевич Гилевич — инженер-исследователь, Уральский федеральный университет, Российская Федерация, 620062, Екатеринбург, ул. Мира, 19; <https://orcid.org/0009-0005-4716-9553>, gilevich.nikita@urfu.ru

Nikita D. Gilevich — Research Engineer, Ural Federal University, 19, ul. Mira, Ekaterinburg, 620062, Russian Federation; <https://orcid.org/0009-0005-4716-9553>, gilevich.nikita@urfu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

исключены из аспирантуры без права представления диссертации. Анализ хода исключения Черепнина позволяет сделать предположение, что историки Института истории старой школы, основу которых составляли представители Московской исторической школы, вели не просто активную научную деятельность, но и прилагали усилия для сохранения своей общности.

Ключевые слова: Л. В. Черепнин, РАНИОН, аспирантура, советская историография, Московская историческая школа, школа Ключевского, история высшего образования в СССР, Д. М. Петрушевский.

Lev Vladimirovich Cherepnin's Expulsion from Graduate School in the Context of Soviet Historical Science

N. D. Gilevich

For citation: Gilevich N. D. Lev Vladimirovich Cherepnin's Expulsion from Graduate School in the Context of Soviet Historical Science. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2025, vol. 70, issue 1, pp. 179–195. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.111> (In Russian)

Lev Vladimirovich Cherepnin was expelled from the graduate school of the Institute of History of the Russian Association of Research Institutes of Social Sciences in 1929. The article examines the phenomenon the existence and energetic activity from among non-Marxist's postgraduate students-historians in the USSR in the 1920s. It is based on the fact that Lev Vladimirovich Cherepnin's expulsion from the graduate school of the Institute of History of the Russian Association of Research Institutes of Social Sciences in 1929. By the time of his expulsion, Cherepnin was engaged in scientific and archival work under the guidance of A. I. Yakovlev and S. B. Veselovsky, had unorthodox views on the methodology of history, within which he admitted the possibility of synthesizing Marxism with the M. Weber's ideas. The views of some of the graduate students, which differed from the Marxist position, were generally known in the party structures, but were not perceived until a certain time as something requiring radical measures. However, the XV Congress of the Bolshevik Party proclaimed the intensification of the struggle on the ideological and cultural lines. Soon articles were written by B. F. Porshnev and V. Z. Zeltser signaled that Marx's ideas were taboo for some of the postgraduate students. In 1928–1929, criticism unfolded against the Institute of History of the Russian Association of Research Institutes of Social Sciences, which resulted in an inspection of the institution, related to claims to the non-Marxist training of some postgraduate students, Cherepnin became a person who were attacked because of their scientific views and were subsequently excluded from graduate school without the right to submit a dissertation. An analysis of the course of Cherepnin's exclusion suggests that the historians of the Russian Association of Research Institutes of Social Sciences's Institute of History of the old school, based on representatives of the Moscow Historical School, conducted not only active scientific activities, but also made efforts to preserve their community.

Keywords: L. V. Cherepnin, RANION, postgraduate studies, Soviet historiography, Moscow Historical School, Klyuchevsky's school, history of higher education in the USSR, D. M. Petrushevsky.

В истории развития советской исторической науки 1920-е годы представляют особый интерес для исследователя. С одной стороны, это время, когда закладывались основы советского марксизма как единственно верного учения. С другой стороны, это время НЭПа, время, когда еще было возможным существование эле-

ментов старой «буржуазной» науки, когда допускался некоторый концептуальный плюрализм в общественных науках.

Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) был одним из сильнейших академических центров СССР 1920-х гг., где подобный плюрализм проявлял себя сильнее, чем в других местах. Костяк Института составили профессора факультета общественных наук (ФОН) МГУ, многие из которых стали известными историками еще до революции 1917 г. Середина 1920-х гг. — это время расцвета института, когда его деятельность приобрела всероссийский характер, расширился состав сотрудников, в том числе за счет большого набора аспирантов¹. Многие из них стали в дальнейшем лидерами советской исторической науки 1940–1950-х гг. Однако в 1928–1929 гг. в деятельности института происходят резкие изменения и его стремительное закрытие.

В советской историографии вопрос о развернувшейся в конце 1920-х гг. критике РАНИОНа был поднят Л. В. Ивановой и Т. И. Калистратовой². Иванова в монографии 1968 г. рассматривала данный процесс как укрепление марксистской подготовки аспирантов и в связи с этим не видела трагедии в его слиянии с Коммунистической академией. Историк признавала ошибочным сложившееся у проверяющих структур Наркомпроса впечатление о невозможности наладить в Институте истории марксистскую подготовку аспирантов. Соответственно, согласно Л. В. Ивановой, обрушенная на научную организацию по этому поводу критика была преувеличенной. В качестве аргумента исследовательница приводила тот факт, что из стен РАНИОН вышла целая плеяда известных советских историков, в том числе и Л. В. Черепнин.

В рамках подготовки кандидатской диссертации «Преподавание и изучение истории в Московском университете (1917–1931)» Т. И. Калистратова затронула данную тему в своей публикации 1983 г. В ней за сотрудниками института был отмечен ряд недостатков: мелкотемье, буржуазные методологические установки, ошибочные суждения³. В то же время в исследованиях преобладали социально-экономическая тематика и история революционного движения, методологические же ошибки, характерные для первой половины 1920-х гг., стремительно исправлялись⁴. При этом историки старой школы благодаря своему огромному преподавательскому опыту и высокому профессионализму могли передать своим ученикам (аспирантам и молодым сотрудникам Института) более совершенную исследовательскую методику⁵. В рамках статьи Т. И. Калистратовой фактически не раскрываются события, приведшие к ликвидации научного учреждения, и говорится лишь

¹ Калистратова Т. И. Институт истории ФОН МГУ — РАНИОН (1921–1929). Н. Новгород, 1992. С. 87.

² Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.) М., 1968; Калистратова Т. И. К истории научной деятельности Института истории ФОН МГУ — РАНИОН (1921–1929 гг.) // Проблемы истории СССР: сб. аспирант. ст. 1983. Вып. 13. С. 260–277.

³ Калистратова Т. И. К истории научной деятельности Института истории ФОН МГУ — РАНИОН (1921–1929 гг.) // Проблемы истории СССР. Вып. 13. М., 1983. С. 266.

⁴ Там же. С. 264–267.

⁵ Там же. С. 266.

об утрате доверия к нему в условиях усиления идеологической борьбы и реальной необходимости усиления марксистской подготовки аспирантов⁶.

Л. В. Иванова и Т. И. Калистратова в советский период могли лишь осторожно говорить о преувеличениях в критике института, ее неполном соответствии действительности, но при этом не могли выступить с осуждением мер, направленных на укрепление марксистской подготовки аспирантов. В целом тема закрытия крупного научного учреждения вследствие подобных причин не представлялась удобной для обсуждения. В этом плане показателен пример «Очерков истории исторической науки» 1966 г., где автором главы II «Утверждение марксистско-ленинских теоретических и методологических основ в советской исторической науке. Крах буржуазной историографии» в четвертом томе был Л. В. Черепнин. Он в принципе не упоминал РАНИОН и его закрытие, зато представил дискуссию вокруг монографии Д. М. Петрушевского⁷. При этом в параграфе, посвященном истории РАНИОН (автор Л. В. Иванова), причины ликвидации Института истории не раскрываются⁸.

В рамках монографии, которая вышла уже в 1992 г., когда были сняты идеологические ограничения, Т. И. Калистратова расширяет приводимый фактический материал и серьезно пересматривает свою позицию по поводу критики Института истории РАНИОН. Историк рассматривает эти события как обострение борьбы между историками-марксистами, возглавляемыми М. Н. Покровским, и учеными старой школы. Речь не идет о том, что критика была частично обоснована методологическими ошибками. Калистратова стремится доказать именно несправедливость и необоснованность позиции оппонентов РАНИОН. В отличие от статьи монография довольно подробно рассматривает, как проходили кампания по дискредитации Д. М. Петрушевского и закрытие Института истории из-за недостатков в подготовке аспирантов⁹.

Кроме того, в 2019 г. О. В. Метель и А. И. Ключев публикуют ряд документов, посвященных непосредственно процессу ликвидации института. Однако эти документы раскрывают лишь заключительный этап довольно длительного процесса¹⁰. Также стоит отметить монографию 2020 г. Е. А. Долговой, важную для понимания общего контекста развития советской науки в 1920-х гг., хотя автор и не дает специального освещения событиям, приведшим к закрытию института¹¹.

Таким образом, в историографии тема закрытия Института истории РАНИОН оказалась освещена сравнительно слабо. Скорее всего, это связано с тем, что во многом ее затмило последовавшее «Академическое дело», которое привело к многочисленным арестам и гораздо ярче представлено в современной историографии. Более того, при освещении закрытия и РАНИОН, и «Академического дела» сообщество ученых старой школы предстает как нечто аморфное и пассивное, не

⁶ Калистратова Т. И. К истории научной деятельности Института истории ФОН МГУ — РАНИОН (1921–1929 гг.) // Проблемы истории СССР. Вып. 13. С. 273.

⁷ Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. Т. 4 / под ред. М. В. Нечкиной. М., 1966. С. 152–153.

⁸ Там же. С. 237.

⁹ Калистратова Т. И. Институт истории ФОН МГУ — РАНИОН (1921–1929). С. 122–126.

¹⁰ Ключев А. И., Метель О. В. «Место такому институту, естественно, в Коммунистической академии». Как был ликвидирован Институт истории РАНИОН. 1929 г. // Исторический архив. 2019. № 3. С. 89–99.

¹¹ Долгова Е. А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М., 2020.

способное к борьбе за собственное существование с активными и агрессивными историками-марксистами, возглавляемыми М. Н. Покровским и поддерживаемыми ВКП(б). Тем самым остается в тени проблема, а откуда взялись те самые аспиранты-немарксисты, из-за которых и был ликвидирован Институт истории, равно как и то, насколько обоснованы были обвинения в немарксизме.

В настоящей статье мы рассмотрим данную проблему на материалах отчисления в 1929 г. из аспирантуры Института истории РАНИОН Льва Владимировича Черепнина. Конечно, он был не единственным аспирантом, отчисленным за свои немарксистские взгляды. Однако Черепнина можно признать одним из наиболее ярких представителей этой группы. Такая оценка связана не с тем, что он в будущем станет академиком АН СССР и признанным корифеем советской исторической науки. Дело в том, что к моменту отчисления он активно занимался научно-архивной работой под руководством таких крупных специалистов, как А. И. Яковлев и С. Б. Веселовский, имел научные публикации, выступал с докладом на ученом совете Института истории, с 1925 г. являлся членом-соревнователем «Общества истории и древностей Российских», а в 1929 г. был избран его действительным членом¹². Таким образом, детальное рассмотрение ситуации с отчислением Черепнина из-за недостатков в усвоении марксизма как экстраординарного события, случившегося с выдающимся молодым историком, позволит не только проанализировать проблему существования аспирантов-немарксистов в Институте истории РАНИОН, но и в целом рассмотреть специфику становления советской исторической науки в преддверии «Великого перелома». Кроме того, это закроет лауну в изучении биографии Черепнина, так как в многочисленных очерках о его жизни, как правило, есть лишь общие сведения об окончании им аспирантуры в 1929 г., неудачное завершение которой полностью затмевается последующим «Академическим делом», в рамках которого пострадал Черепнин¹³.

Что важно: именно история с исключением Черепнина оказалась хорошо зафиксирована в источниках. Это и делопроизводственные документы РАНИОНа, и, что не менее важно, источники личного происхождения. Прежде всего, это дневник Пионтковского, раскрывающий позицию одного из ведущих историков-партийцев Института истории РАНИОНа и упоминающий из аспирантов-немарксистов едва ли не одного Черепнина, а также мемуары самого Черепнина, которые описывают историю с позиции пострадавшего аспиранта-немарксиста¹⁴. Схожие источники

¹² Бухерт В. Г. Общество истории и древностей российских при Московском университете в 1917–1929 гг. // Археографический ежегодник за 2002 год. М., 2004. С. 157.

¹³ Бондаренко А. Ф., Киселев М. Ю. Черепнин Лев Владимирович // Историки России. Иконография: в 5 кн. Кн. 3. М., 2015. С. 202–217; Каиштанов С. М.: 1) Лев Владимирович Черепнин (1905–1977): [некролог] // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 378–379; 2) Черепнин Лев Владимирович // Московская энциклопедия: в 1 т. Т. 1, кн. 5. М., 2012. С. 280–281; Назаров В. Д.: 1) Лев Владимирович Черепнин (1905–1977) // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 2. Архивно-информационный бюллетень № 10. Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1995. С. 144–155; 2) Лев Владимирович Черепнин (1905–1977) // Портреты историков. Время и судьбы: в 2 т. Т. I. М.; Иерусалим, 2000. С. 285–303; 3) Черепнин Лев Владимирович // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 764–772; 4) Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука (1905–1977) // Черепнин Л. В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения: в 2 т. Т. 1. М., 2015. С. 364; Паиуто В. Т., Назаров В. Д. Памяти старшего друга: О Льве Владимировиче Черепнине // История СССР. 1978. № 1. С. 144–156.

¹⁴ Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934). Казань, 2009; Черепнин Л. В. Моя жизнь. Т. 1.

личного происхождения, связанные с исключением, например, И. С. Макарова или В. И. Шункова, к настоящему времени не известны.

Лев Владимирович Черепнин родился в 1905 г., в Рязани в доме своего деда, известного рязанского историка и археолога, Алексея Ивановича Черепнина. Отец историка Владимир Алексеевич также не был чужд исторической науке, работал в библиотеке Румянцевского музея, преподавал латынь в гимназии Репман, в которой учился и его сын Лев. Семья историка поддерживала дружбу с видными московскими историками, учениками школы Ключевского, А. И. Яковлевым и Ю. В. Готье, оказавшим впоследствии некоторую протекцию Черепнину при его обучении в университете¹⁵. В 1921–1922 гг. Черепнин обучался в рязанском Институте народного образования, но будущий историк твердо нацелился на поступление в МГУ.

Для этого в те годы была необходима «командировка» (направление) на обучение от какой-либо организации. Черепнину удалось получить весьма благожелательную рекомендацию от своего института, но ее было недостаточно. Также не помогли связи отца, который обратился к старому приятелю, большевику Н. Н. Кошкаррову, написавшего письмо ректору МГУ В. П. Волгину. Таким образом, путь к официальному поступлению в МГУ был закрыт. В итоге Черепнин поступил во Второй Московский государственный университет на педагогический факультет, где не нужна была «командировка» от организации. Там он посещал лишь исторические предметы, игнорируя положенные по программе естественно-научные дисциплины. Более того, основной интерес для него представляли курсы и семинары, читавшиеся на факультете общественных наук МГУ, которые он стал посещать, не будучи студентом этого факультета. Их посещение он продолжил и после того, как его в 1924 г. отчислили из Второго Московского государственного университета. К этому времени он свел знакомство со многими научными сотрудниками Института истории РАНИОН, среди которых можно выделить С. В. Бахрушина и С. Б. Веселовского. Как результат, в 1925 г. он закончил экстерном университетский курс ФОН МГУ и решил поступить в аспирантуру Института истории¹⁶.

Институт истории РАНИОН представлял собой уникальную площадку для занятий наукой и для подготовки преподавателей для вузов страны, где большинство составляли ученые старой школы из числа тех, кого считали не марксистами, а лишь условно близкими к марксизму. Было заявлено о том, что освоение марксистской теории аспирантами будет в приоритете, за что должны были отвечать сотрудники-марксисты, сосредоточенные в основном в секциях, занимающихся историей Нового времени («Новой Русской истории» и «Новой истории Запада»). При этом подчеркивалась важность для аспирантов исследовательской работы и сдачи экзамена по специальности. Эти приоритеты проявились уже на стадии вступительных испытаний, которые сдавал Черепнин. От будущего аспиранта требовалось предоставить научную работу, сдать три экзамена: по политэкономии, историческому материализму и специальности. Во многом эти же предметы и составят основу дальнейшего обучения. Однако Черепнин «завалил» первый же

¹⁵ Черепнин Л. В. Моя жизнь. Т. 1. С. 11–12, 18, 19.

¹⁶ Там же. С. 72–74, 77, 99.

вступительный экзамен по политэкономии, который принимал старый большевик И. Д. Удальцов¹⁷.

Вмешался А. И. Яковлев, который организовал письмо-рекомендацию в Президиум РАНИОН с просьбой о разрешении повторной сдачи вступительных испытаний¹⁸. Вместе с ним ходатайство подписали и другие ученики В. О. Ключевского: С. В. Бахрушин, С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье, М. М. Богословский, М. К. Любавский. От их имени в письме заявлялось: «Ввиду исключительных научных дарований т. Черепнина и обнаруженной им энергии и трудолюбия в работе мы, нижеподписавшиеся, поддерживаем его ходатайство о допущении его к повторению испытания в течение ближайших месяцев»¹⁹. В качестве аргументов было приведено участие Черепнина в семинарах, исследовательская работа в институте в течение года (с архивом Троице-Сергиевого монастыря), научный доклад на заседании ученого совета по истории холопства XVI–XVII вв.²⁰ Повторная сдача политэкономии прошла успешно, после чего были сданы экзамен по специальности и научная работа. Получается, что за Черепнина вступились практически все бывшие в Москве основные представители Московской исторической школы (школы Ключевского), включая Веселовского и Богословского, которые, как известно, конфликтовали друг с другом. Скорее всего, это было связано с тем, что эти историки видели в Черепнине продолжателя академической традиции старой школы.

РАНИОН представлял собой развивающуюся научную структуру, совмещающую исследовательскую деятельность с подготовкой аспирантов. В первый год обучения Черепниным был подготовлен доклад по политэкономии о теории денег Маркса, который вполне благополучно приняли, хотя, по признанию самого Черепнина, в нем не было ничего исследовательского²¹, в отличие, например, от доклада «К вопросу о составе и происхождении „Capitulare de villis“», сделанного на заседании секции средневековой истории в 1927 г. и высоко оцененного членом-корреспондентом АН СССР (с 1924 г.) Д. М. Петрушевским²². Впоследствии этот доклад стал первой публикацией Черепнина после «Академического дела»²³.

В мае 1927 г. выходит статья в печатном органе Агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б), посвященная отдельным недостаткам организации — «сторонам, которые требуют лечения». Одной из основных проблем виделась подготовка аспирантов. Вызывало недовольство сохранение академических традиций старой науки, большое количество дореволюционных ученых в штате. И в то же время признавались высокая эффективность научной работы институтов, их участие в подготовке аспирантов, необходимость учиться у старых кадров и усваивать их знания, но не идеологию. Недостатки идеологической подготовки предлагалось

¹⁷ Там же. С. 99.

¹⁸ Там же. С. 100; Черепнин Лев Владимирович // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 764. Л. 39.

¹⁹ Черепнин Лев Владимирович. Л. 38.

²⁰ Там же.

²¹ Черепнин Л. В. Моя жизнь. Т. 1. С. 106.

²² Черепнин Лев Владимирович. Л. 13; Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Состав и деятельность секции средневековой истории Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (1921–1929) // Известия Уральского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 135.

²³ Черепнин Л. В. К вопросу о составе и происхождении «Capitulare de villis» // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1934. № 5. С. 359–386.

исправлять созданием ядра работников-марксистов и лишь в крайнем случае исключением аспирантов-немарксистов. При этом число достоинств явно перевешивало число недостатков, к тому же являющихся временными²⁴.

Более радикально проблему марксистской подготовки аспирантов описывал в своем дневнике С. А. Пионтковский о событиях сентября 1927 г.: «В РАНИОНЕ подготовка аспирантов — это вопрос борьбы воспроизводства нашей и буржуазной идеологии, и вокруг подготовки аспирантов, вокруг организации работы всего РАНИОНА уже разворачивается классовая борьба»²⁵. В качестве классовых противников выступают «беспартийная профессура» и «недоэкспроприированные буржуи», в частности, С. В. Бахрушин²⁶. Стоит отметить, что последний, согласно Пионтковскому, выразил недовольство В. З. Зельцером за то, что он «пишет про них стенгазету и ходит на заседания, чтобы ставить им шпильки и употребляет совсем не академические выражения в своих работах»²⁷. Стоит отметить, что в этой стенгазете Черепнину посвятили отдельную критическую строчку, что его, судя по воспоминаниям, тогда сильно взволновало: «О деньгах глаголь по Марксу, об истории — по Соловьеву (о присутствующих не говорят)»²⁸.

Тем не менее сентябрь 1927 г. сложно назвать датой начала конца Института истории РАНИОН. Обратимся к словам М. Н. Покровского, произнесенным в рамках 23-го заседания XV съезда партии 15 декабря 1927 г.: «...в институтах общественных наук, в так называемом РАНИОНе, мы уже имеем большинство партийцев и меньшинство беспартийных. Словом, с этой стороны, душа радуется. С академической стороны, то же самое»²⁹. Таким образом, главный историк-марксист страны не видел особых причин для беспокойства. В то же время в решении съезда была сделана ставка на «дальнейшую всемерную мобилизацию пролетарских масс и особое усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте»³⁰.

Однако 6 февраля 1928 г. в газете «Вечерняя Москва», печатном органе Московской партийной организации, в заметке А. Кута были перепечатаны выдержки из стенного журнала «За марксизм» Института истории, «крупнейшего научно-исследовательского учреждения страны», где критиковался уровень марксистской подготовки его сотрудников³¹. В передовице стенного журнала указывалось на то, что «на заседаниях некоторых секций имя Маркса, а тем более имя Ленина подвержено, как и в царской России, бойкоту. Произнести имя Маркса считается неприличным. Цитируют буржуазных ученых, плагиатирующих и искажающих Маркса, как последнее “откровение” науки. Готовы цитировать еще Зомбарта, Вебера и проч., но имя Маркса — это “табу”». В статье за авторством «Б. П.» писалось, что марксизм в работах аспирантов является лишь формальным ярлыком, большинство сотрудников составляют не марксисты, которые прямо воспроизводят нормы

²⁴ Сапожников П. Ф. О задачах и постановке работы научно-исследовательских институтов общественных наук // Коммунистическая революция. 1927. № 10. С. 47–59.

²⁵ Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934). С. 86.

²⁶ Там же. С. 88.

²⁷ Там же.

²⁸ Черепнин Л. В. Моя жизнь. Т. 1. С. 106.

²⁹ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 1016.

³⁰ Там же. С. 1283.

³¹ Кут А. Как подготавливается научная смена (за кулисами РАНИОНа) // Вечерняя Москва. 1928. № 31. С. 2.

дореволюционной науки. Самым же слабым местом Института в статье, подписанной инициалами В.З., была названа секция «Русская история»³². Автор статьи в «Вечерней Москве» — А. Кут (настоящее имя Александр Владимирович Кутузов) был известным литературным критиком, и эта его не совсем профильная статья была замечена и цитировалась в мае 1928 г. на I Всесоюзном съезде пролетарских писателей³³. Однако кто скрывается за инициалами Б.П. и В.З., чьи статьи, собственно, и были процитированы в «Вечерней Москве»? Б.П. — это Б.Ф. Поршнев, бывший в тот момент времени редактором данной стенгазеты и аспирантом секции «Новая русская история»³⁴. Стоит отметить, что Поршнев поступил в аспирантуру РАНИОНа с рекомендацией С.А. Пионтовского и имел репутацию аспиранта, твердо стоящего на методологически правильной позиции исторического материализма³⁵. В.З. — это В.З. Зельцер, бывший сотрудником стенгазеты и, как упоминалось ранее, писавший о работе секции «Русская история». Статьи в «Вечерней Москве» были тем сигналом, на который в Институте не могли не отреагировать.

Уже 7 февраля в Главнауку была направлена пояснительная записка, основная суть которой сводилась к тому, что в стенгазете критика марксистской подготовки в институте была преувеличена. Тем не менее в конце записки было заявлено, что «принято решение усилить в секциях борьбу за марксизм»³⁶.

Еще 17 января 1928 г. в Институте истории было организовано методическое бюро в составе А.Д. Удальцова, Е.А. Мороховца, Н.Г. Буркина, А.В. Ефимова, П.Ф. Преображенского. В силу изменившихся обстоятельств этот орган стал ответственным за проведение проверки подготовки аспирантов³⁷. Подобные проверки проходили в Институте и ранее, однако в этот раз всячески подчеркивался особый статус мероприятия. Для этой цели силами методического бюро 10 марта 1928 г. было организовано общее собрание аспирантов Института истории, где собравшимся были разъяснены требования к аспирантам. Так, в выступлении А.Д. Удальцова было заявлено, что проверка будет нести «не только строго академический характер, но и значительный общественный интерес, так как советская власть должна знать, какая готовится научная смена»³⁸.

10 апреля 1928 г. была сформирована тройка для проведения академической проверки аспирантов в составе А.Д. Удальцова, Е.А. Мороховца, Н.Г. Буркина³⁹. При реальном проведении проверки к ним также присоединялся А.В. Ефимов (также член методического бюро). Собственно, эти люди и будут решать судьбу многих аспирантов, в том числе Черепнина. Удальцов — член партии с 1926 г.,

³² Там же.

³³ Культурная революция и задачи Пролетарской литературы // Авербах Л.Л. О задачах пролетарской литературы. М.; Л., 1928. С. 28–29.

³⁴ Кондратьева Т.Н. Борис Федорович Поршнев: начало большого пути // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 1: История. С. 165.

³⁵ Кондратьева Т.Н. Борис Федорович Поршнев: учеба в институте истории РАНИОН // Европа. 2011. № 10. С. 142.

³⁶ Докладная записка в Главнауку о марксистской подготовке аспирантов в НИИ истории // ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 185. Л. 1–1 об.

³⁷ Протоколы заседаний коллегии НИИ истории № 1–20 // Там же. Д. 175. Л. 31.

³⁸ Протоколы заседаний методического бюро и общих собраний аспирантов НИИ истории // Там же. Д. 168. Л. 13 об.

³⁹ Протоколы заседаний коллегии НИИ истории № 1–20. Л. 21.

брат И. Д. Удальцова, преподаватель семинара по историческому материализму, ученик Д. М. Петрушевского, член секции новой истории стран Запада. Мороховец — участник Гражданской войны, ученый секретарь Института истории. Буркин — активный участник Гражданской войны, занимался историей революции 1905 г., аспирант секции новой русской истории. Ефимов — участник Гражданской войны в Закавказье, сотрудник Музея Революции, активно занимался педагогической и идеологической работой, его первая статья в 1924 г. называлась «Как изучать исторический материализм»⁴⁰, аспирант секции новой русской истории⁴¹.

При переаттестации возник вопрос об отчислении Черепнина из института, с мотивировкой «ввиду отсутствия марксистской методологической установки»⁴². На тот момент не было ни одного формального повода для такого заключения комиссии. Однако общее впечатление у комиссии сложилось такое: «Академическая работа удовлетворительна, не марксист»⁴³.

На чем же это впечатление было основано? В эти годы Черепнин «был озабочен усовершенствованием своей источниковедческой техники и восстановлением исторического прошлого в его конкретности», то есть он во многом старательно избегал чисто теоретических и методологических вопросов⁴⁴. С одной стороны, эта тактика была перенята им из среды своих учителей, дореволюционных ученых, среди которых был распространен «уход в источниковедение». С другой стороны, Черепнин не принимал как единственно верную концепцию истории М. Н. Покровского за ее «обобщения, не подтверждаемые достаточным количеством фактов», за применение стандартных «отмычек» (типа «торгового капитала») к объяснению сложных явлений, за ее вульгаризаторство⁴⁵.

Кроме того, против Черепнина сыграло и его поведение, в частности — высмеивание позиции ряда своих коллег-аспирантов. Как он сам про это пишет: «Да, я был не прав, позволяя себе высмеивать некоторые попытки дать марксистское понимание тех или иных вопросов истории при недостаточном знании источников и фактов. Нужна была товарищеская помощь, а не наскоки, к которым я иногда прибегал и которые воспринимались как наскоки на марксизм»⁴⁶.

Положение Черепнина оказалось очень шатким, но за него вступились Д. М. Петрушевский, В. И. Невский, В. П. Волгин. Стоит отметить, что об этих же людях отзывается С. А. Пионтковский в своем дневнике как о защитниках старой профессуры⁴⁷. На заседании коллегии Института истории 12 июня 1928 г. было принято решение «работу аспиранта Черепнина признать удовлетворительной, предложив выполнить ему дополнительную работу по новой истории в целях большего вы-

⁴⁰ Гонионский С. А. К 75-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова // Американский ежегодник 1971. М., 1971. С. 321.

⁴¹ Отчет Института истории за 1926/1927 академический год // Труды Института истории РАНИОН. 1928. Т. 7. С. 151–152.

⁴² Черепнин Лев Владимирович. Л. 10.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Черепнин Л. В. Моя жизнь. Т. 1. С. 119.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934). С. 87, 175, 206.

явления его методологической установки»⁴⁸. Черепнину назначили срок до мая 1929 г. для сдачи всех оставшихся докладов и подготовки диссертации.

Несмотря на произошедшее, Черепнин не вышел из доверия у старых спецов и вполне уверенно держался перед историками-партийцами. Здесь характерна дневниковая запись С. А. Пионтковского от 15 февраля 1929 г.: «Поручили мне опросить всех штатных научных сотрудников, что они делают, чем заняты для Института. <...> Яковлев не пришел, прислал аспирантика Черепнина. Тот нахально полез объясняться. Я заявил, что предпочитаю первоисточник списку и с ним разговаривать по этому делу не буду»⁴⁹. Другой пример, показывающий «смелость» Черепнина, — это то, что он апеллировал к решению о назначении ему выполнения дополнительной работы по новой истории как к аргументу на аспирантских собраниях о продлении ему сроков на подготовку диссертации⁵⁰.

Параллельно упомянутым выше событиям в научной среде развивалась дискуссия вокруг монографии Д. М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы». Всего состоялось два заседания социологической секции общества историков-марксистов, 30 марта и 6 апреля 1928 г., посвященные ее обсуждению⁵¹.

Большая часть выступавших, а именно С. С. Кривцов, Ц. Фридлянд, А. Д. Удальцов, П. И. Кушнер, В. Д. Аптекарь, была довольно единодушна в критике, которую можно свести к одному тезису: методологические построения Петрушевского находятся под сильным влиянием европейских философов, главным образом М. Вебера (обильное цитирование без выражения несогласия, использование концепции «идеального типа»), они эклектичны и построены на плюрализме и направлены против марксизма⁵².

Защитники Петрушевского, его ученики Е. А. Косминский и А. И. Неусыхин, сосредоточились на опровержении последней части тезиса. Косминский упирал на то, что «Очерки» принципиально не противоречат марксизму, и говорить о них подобное является большой натяжкой. В то время как книга вносит большой вклад в исследование истории западноевропейского феодализма, пересматривает многие устаревшие концепции. При этом Косминский признает, что некоторые определения нуждаются в уточнении, поскольку они могли вызвать столь резкое отторжение у оппонентов⁵³.

Неусыхин выступил еще более активно в защиту Петрушевского. Во-первых, он стремился доказать, что книга не просто не противоречит, но и является по своей сути марксистской. Здесь и указание на обращение в объяснении исторического процесса к «классовой борьбе», хотя и без использования самого термина, и обви-

⁴⁸ Протоколы заседаний коллегии НИИ истории № 1–20. Л. 13 об.

⁴⁹ Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934). С. 247.

⁵⁰ Протоколы заседаний Комиссии по учету академической успеваемости аспирантов Института истории РАНИОН, заявления аспирантов, переписка с Президиумом РАНИОН и другими учреждениями об организации учебной работы в Институте // Архив Российской академии наук (далее АРАН) Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 46, 60.

⁵¹ Диспут о книге Д. М. Петрушевского. Заседание первое. Выступления: С. С. Кривцова, Ц. Фридлянда, Е. А. Косминского, А. Д. Удальцова, А. И. Неусыхина // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 79.

⁵² Там же. С. 79, 81, 84, 85, 87, 89, 113, 115.

⁵³ Там же. С. 91–93.

нения оппонентов в вульгаризации марксизма, его упрощении⁵⁴. Во-вторых, Неусыхин опровергал часть тезиса о сильном влиянии на Петрушевского европейских авторов. В данном случае в качестве аргументов выступает критика автором ряда немецких историков, ведь их цитирование не означает полного согласия с ними. Утверждалось, что оппоненты приписывают излишне большое влияние идей Вебера на монографию, в то время как Петрушевский совершенно иначе использует на практике ту же концепцию «идеального типа», чем Вебер⁵⁵.

Усилия защитников не оказали положительного влияния на результат диспута и, вероятно, не могли оказать. Однако то, что кажется очевидным сейчас, не было очевидным тогда. Сам факт дискуссии и поднятые на ней вопросы оказали большое влияние на Черепнина, к тому же он был хорошо знаком как с «подзащитным» Д. М. Петрушевским, так и с его защитниками. Сам Черепнин не выступал по данному вопросу, но находился на их стороне; поэтому выбор в качестве темы доклада «Методология М. Вебера и марксизм» можно назвать попыткой Черепнина принять участие в этой дискуссии. К тому же, по вероятному замыслу автора, доказательство близости подвергнутых критике идей М. Вебера к марксизму еще больше упрочило бы положение Петрушевского.

Данный доклад был подготовлен осенью 1928 г., на третьем году обучения, в рамках академической отчетности по семинару «Исторический материализм» А. Д. Удальцова (одного из участников диспута)⁵⁶.

Для более предметного анализа воспроизведем основные тезисы данного доклада. По содержанию выступление можно разделить на две неравные части: в первой говорится о сходстве по ряду вопросов в двух методологиях, вторая посвящена различиям в них и преимуществу марксизма (в основном это финальная часть выступления, суммарно занимает около четверти от общего объема сказанного).

Марксизму и веберизму свойственно «представление о невозможности уложить многообразную совокупность конкретно исторической жизни в систему абсолютно обязательных формул, абстрактных и потому малосодержательных законов»⁵⁷. Обе методологии выступают за независимость методов социальных наук от естественных: «...чужды всяким попыткам привнести в методологию социальных наук натуралистические задания»⁵⁸.

Родство марксизма с веберизмом объясняется Черепниным на ряде примеров: в понимании роли истории («Абстрактные родовые признаки явления — это задачи юристов, задача историка — конкретные вещи»⁵⁹), сходстве задач филологии и языкознания («объектом становятся единичные наречия в их своеобразии»)⁶⁰. Черепнин также называет схожими путь анализа Маркса с функцией идеального

⁵⁴ Диспут о книге Д. М. Петрушевского. Заседание первое. Выступления: С. С. Кривцова, Ц. Фридлянда, Е. А. Косминского, А. Д. Удальцова, А. И. Неусыхина // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 101–102.

⁵⁵ Там же. С. 101, 103.

⁵⁶ Черепнин Л. В. Моя жизнь. Т. 1. С. 107; Учетные карточки аспирантов Института истории РАНИОН // АРАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 1. Л. 35.

⁵⁷ Развернутые тезисы аспирантского доклада Черепнина Л. В. «О методологии Макса Вебера» // АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Л. 13.

⁵⁹ Там же. Л. 4.

⁶⁰ Там же. Л. 5.

типа Вебера: «...путь перехода от “конкретно данного в представлении исходного пункта научного анализа” к “конкретной совокупности в качестве мысленной совокупности” как результат этого анализа напоминает ту роль, которую выполняет идеальный тип, в качестве эвристического орудия наглядного представления и понимания своеобразия социально-экономических явлений»⁶¹.

И Вебер, и Маркс используют абстрактные категории: «...образование абстрактных категорий является путем к изучению конкретной действительности»⁶².

Несмотря на сходства, есть и различия:

1. «Вебер придерживается методологии Рикерта и отвергает Гегеля. Маркс, в отличие от Вебера, нашел единство идеографического и номологического методов в диалектике. Конкретно, как единство общего и индивидуального, как единство в многообразии»⁶³.

2. «Методология Вебера годится для построения отдельных казуальных рядов. Концепция Маркса построена на концепции законов развития, проявляющихся во внутренней структуре общественных формаций»⁶⁴.

3. Отсутствие у Вебера философского монизма, которым наполнена вся теория Маркса. «В основе идей Маркса — материалистический монизм Фейербаха и диалектика Гегеля, отсутствующие в веберовской теории»⁶⁵.

Черепнин закончил доклад тезисом, что «несмотря на принципиальные отличия... очевидна близость некоторых положений Вебера к марксистским»⁶⁶.

Реакция аудитории на доклад оказалась весьма бурной, слушатели назвали доклад «немарксистским». Особенно резко выступил аспирант В.З. Зельцер, который провел прямую параллель с идеями Петрушевского и его учеников⁶⁷. А.Д. Удальцов поддержал оппонентов и в качестве отзыва о докладе написал следующее: «Эклектичность, сильное влияние буржуазной теории, недостаточная марксистская подготовка»⁶⁸. Стоит отметить, что данный отзыв чрезвычайно схож с основными положениями критики «очерков» Д.М. Петрушевского.

Молодой историк стремился найти сходство между позициями К.Маркса и М.Вебера и чрезмерно увлекся этим, когда от него требовалось, с точки зрения аудитории, найти различия. К слову, доклад на эту же тему, выполненный Б.Ф. Поршневым, был благосклонно оценен А.Д. Удальцовым⁶⁹, вероятно, за счет большего соответствия повестке дня; достаточно вспомнить критику М.Вебера на передовице стенгазеты⁷⁰. Таким образом, дело было не в обращении аспиранта к работам М.Вебера, а в том, как они были истолкованы перед лицом ответственных историков-марксистов.

⁶¹ Там же. Л. 2.

⁶² Там же. Л. 20.

⁶³ Там же. Л. 17.

⁶⁴ Там же. Л. 9.

⁶⁵ Там же. Л. 36–37.

⁶⁶ Там же. Л. 37.

⁶⁷ Черепнин Л. В. Моя жизнь. Т. 1. С. 108.

⁶⁸ Черепнин Лев Владимирович. Л. 4.

⁶⁹ Кондратьева Т. Н. Борис Федорович Поршнев: учеба в институте истории РАНИОН // Европа. 2011. № 10. С. 148

⁷⁰ Кут А. Как подготавливается научная смена (за кулисами РАНИОНа) // Вечерняя Москва. 1928. № 31. С. 2.

Отрицательная реакция на этот доклад испортила отзыв о работе Черепнина и в секции по русской истории, данный в мае 1929 г. В. И. Невский, руководитель секции, дал в целом благожелательный отзыв: «Прекрасный работник в области изучения источников». Однако эта фраза была дополнена припиской красным карандашом от С. А. Пионтковского «Не марксист»⁷¹.

Почти месяц Черепнин был в подвешенном состоянии и ждал решения комиссии по учету, которая должна была вынести заключение по выполнению им учебного плана аспирантуры. Комиссия в составе А. Д. Удальцова, С. А. Пионтковского, В. З. Зельцера на заседании 27–28 мая 1929 г. первоначально постановила: «План подготовки выполнен. Не марксист. Отчислить ввиду представления немарксистского доклада по истмату»⁷². Правда, в итоговый документ вошла формулировка без упоминания злополучного доклада: «План подготовки выполнен. Не марксист. Считать выбывшим из института»⁷³.

11 июня 1929 г. решение Комиссии было утверждено на заседании Президиума РАНИОН: «Результаты академической проверки аспирантов института истории. Считать, что аспиранты Макаров, Шунков и Черепнин выполнили учебный план неудовлетворительно, ввиду неусвоения марксистской методологии. Считать Макарова, Шункова и Черепнина выбывшими из состава аспирантов института»⁷⁴.

Стоит отметить, что еще 4 июня в Президиум была направлена телеграмма от Д. М. Петрушевского с попыткой вмешаться в решение по этим трем аспирантам: они «выполнили свой учебный план и признаны тем не менее выбывшими из института, а не окончившими его, ввиду того что они не марксисты, т. е. лишены права предоставить диссертацию. Я считаю такое постановление Коллегии о названных аспирантах неправильным, не опирающимся ни на какой параграф Устава Института истории и несправедливым. <...> Было бы, мне кажется, удобнее не срывать дела так резко, предоставить названным аспирантам право предоставить диссертации и защитить их и уже после этого вынести приговор об их педагогической и научной с марксистской точки зрения годности»⁷⁵.

В качестве последнего средства Черепнин обратился 11 июня с прошением в Президиум: «В виду того, что и Комиссия по академической проверке, и Коллегия Института истории признали меня выполнившим учебный план, прошу о предоставлении мне права подачи диссертации до 1 октября 1929 г.»⁷⁶. Однако это заявление осталось без ответа, и свою кандидатскую диссертацию Черепнин смог защитить лишь через 13 лет. По окончании аспирантуры он остался с одной справкой и характеристикой — «не марксист»⁷⁷. С. А. Пионтковский позднее в своем дневнике напишет о Черепнине: «Мы его исключили как контрреволюционера и антимарксиста. А оказывается, в жизни это скромный паренек, ничего не понимающий в политике, просто вырос в такой среде антисоветской, а так парень знаю-

⁷¹ Черепнин Лев Владимирович. Л. 2.

⁷² Протоколы заседаний Комиссии... Л. 94 об.

⁷³ Там же. Л. 7 об.

⁷⁴ Там же. Л. 9.

⁷⁵ Цит. по: Кондратьева Т. Н. Кое-что о том, как создавался учебник по истории Средних веков для школ (1934 год) // Европа: Международный альманах. Вып. IX. Тюмень, 2010. С. 74; Протоколы заседаний Комиссии... Л. 108.

⁷⁶ Протоколы заседаний Комиссии... Л. 11.

⁷⁷ Черепнин Лев. Л. 12.

щий, из него бы при других условиях вышел очень хороший ученый или стихийно крепкий идеолог буржуазии»⁷⁸.

Исключения из состава Института истории неблагонадежных аспирантов было недостаточно, потому было решено его полностью ликвидировать. С 1 октября 1929 г. при Коммунистической академии учреждался новый институт, куда и были переданы «аспиранты, прошедшие весеннюю проверку»⁷⁹. При этом большую часть преподавателей составили бывшие сотрудники РАНИОН⁸⁰.

Таким образом, Л. В. Черепнин был образцовым аспирантом-немарксистом с точки зрения историков-партийцев, из-за чего он и подлежал исключению. В то же время с точки зрения представителей старой школы Черепнин оказывался образцовым историком, он был для них продолжателем академической традиции Московской исторической школы / школы Ключевского⁸¹. Черепнин прекрасно разбирался в источниках, мог аргументировано доказывать свою точку зрения и защищаемые положения, а также интересовался историко-социологическими построениями, к которым он подходил не догматично, а эклектично. Аспирантура способствовала укреплению им важных социальных связей среди ученых старой школы и усвоению их исследовательских стратегий. Одновременно с этим оказалось, что были переняты теоретические установки и отношение к марксизму.

В историографии сложилась практика, при которой в качестве последних представителей старой школы рассматривают лишь ученых, состоявших до 1917 г., какими были, например, С. В. Бахрушин и А. И. Яковлев. При этом, как правило, вне поля зрения оказывается следующее поколение Московской исторической школы, которое могло формироваться после 1917 г. Тем не менее современники были склонны видеть в этих аспирантах именно последователей идей старых специалистов. Например, С. А. Никитин причислял к членам «старой исторической», «идеалистической» школы «следующих историков из старшего поколения: С. В. Бахрушин, С. Б. Веселовский, А. И. Яковлев, Д. Н. Егоров, Ю. В. Готье, М. К. Любавский, И. И. Иванов-Полосин, Д. М. Петрушевский, из числа молодых: Л. В. Черепнин, И. С. Макаров»⁸².

Дело Л. В. Черепнина позволяет сделать предположение, что представители старой школы Института истории РАНИОН, корни которой уходили в Московскую историческую школу, вели не просто активную научную деятельность, они прилагали усилия для сохранения своей общности. С одной стороны, это было отстаиванием отличных от историков-партийцев научных взглядов на страницах статей и монографий, в том числе и доказательство их правомерности с точки зрения марксизма. С другой стороны, это было стремлением к пополнению своих рядов — подготовка учеников, помощь им в поступлении и трудоустройстве. В результате мы видим устойчивую структуру, состоящую как из дореволюционных ученых, так и из первого поколения новых советских историков. У них была институциональ-

⁷⁸ Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934). С. 354.

⁷⁹ Ключев А. И., Метель О. В. «Место такому институту, естественно, в Коммунистической академии». С. 98.

⁸⁰ Там же. С. 99.

⁸¹ О ней см.: Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М.; СПб., 2012.

⁸² Цит. по: Горяинов А. Н. Семейные истоки формирования личности и начало научной биографии С. А. Никитина // Славяне и Россия. 2013. № 1. С. 50.

ная площадка, где они могли работать и подготавливать смену (Институт истории РАНИОН), были обширные горизонтальные связи, научный авторитет, признание их заслуг и заинтересованность в их знаниях со стороны новых властей.

С точки зрения историков-партийцев, эти «буржуазные» по методологииистики представляли угрозу. Они были способны успешно конкурировать с ними, могли уверенно парировать удары в рамках чисто научных дискуссий и нападков на отдельных членов своего научного сообщества, а также не собирались исчезать под напором прогрессивной марксистской методологии, а готовили новых исследователей. Как результат, против них было решено действовать с использованием политико-административных методов. Наступал «Великий перелом», время резких изменений в обществе и государственной политике. В этот раз административный ресурс превысил возможности сообщества ученых, хотя они и оказали попытки к сопротивлению (защита аспирантов, рекомендованных к отчислению, защита Д. М. Петрушевского на политически ангажированном диспуте, доклад Черепнина в рамках той же защиты). Усилия оказались тщетны: Институт истории РАНИОН был ликвидирован, а представителям потенциального нового поколения Московской исторической школы был временно закрыт путь в науку.

References

- Bondarenko A. F., Kiselev M. Iu. *Cherepnin Lev Vladimirovich. Istoriki Rossii. Ikonografiia*, in 5 vols, vol. 3. Moscow, Sobranie Publ., 2015, pp. 202–217. (In Russian)
- Bukhert V. G. Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete v 1917–1929 gg. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2002 god*. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 149–165. (In Russian)
- Dolgova E. A. *Rozhdenie sovetskoi nauki: uchenye v 1920–1930-e gg*. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2020, 469 p. (In Russian)
- Gonionskii S. A. K 75-letiiu so dnia rozhdeniia chlena-korrespondenta AN SSSR A. V. Efimova. *Amerikanskii ezhegodnik 1971*. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 320–328. (In Russian)
- Goriainov A. N. Semeinye istoki formirovaniia lichnosti i nachalo nauchnoi biografii S. A. Nikitina. *Slaviane i Rossiia*, 2013, no. 1, pp. 35–57. (In Russian)
- Ivanova L. V. *U istokov sovetskoi istoricheskoi nauki (Podgotovka kadrov istorikov-marksistov v 1917–1929 gg.)*. Moscow, Mysl' Publ., 1968, 197 p. (In Russian)
- Kalistratova T. I. *Institut istorii FON MGU — RANION (1921–1929)*. Nizhny Novgorod, Nizhnii Novgorod Publ., 1992, 216 p. (In Russian)
- Kalistratova T. I. K istorii nauchnoi deiatel'nosti Instituta istorii FON MGU — RANION (1921–1929 gg.). *Problemy istorii SSSR: sbornik aspirantskikh statei*. Moscow, Lomonosov Moscow University Press, 1983, vol. 13, pp. 260–277. (In Russian)
- Kashtanov S. M. Cherepnin Lev Vladimirovich. *Moskovskaia entsiklopediia*, vol. 1, issue 5. Moscow, Moskovskie uchebniki Publ., 2012, pp. 280–281. (In Russian)
- Kashtanov S. M. Lev Vladimirovich Cherepnin (1905–1977): (Nekrolog). *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1977 god*. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 378–380. (In Russian)
- Kondrat'ev S. V., Kondrat'eva T. N. Sostav i deiatel'nost' sektsii srednevekovoi istorii Instituta istorii Rossiiskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (1921–1929). *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2022, vol. 24, no. 2, pp. 126–139. (In Russian)
- Kondrat'eva T. N. Boris Fedorovich Porshnev: nachalo bol'shogo puti. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istorii, filologii*, 2016, vol. 15, issue 1: Istorii, pp. 156–171. (In Russian)
- Kondrat'eva T. N. Boris Fedorovich Porshnev: ucheba v institute istorii RANION. *Evropa*, 2011, no. 10, pp. 141–157. (In Russian)
- Nazarov V. D. Cherepnin Lev Vladimirovich. *Istoriki Rossii: Biografii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, pp. 764–772. (In Russian)

- Nazarov V.D. Lev Vladimirovich Cherepnin (1905–1977). *Istoriki Rossii XVIII–XX vekov. Vyp. 2. Arkhivno-informatsionnyi biulleten', no. 10: prilozhenie k zhurnalu „Istoricheskii arkhiv”*. Moscow, AIA Publ., 1995, pp. 144–155. (In Russian)
- Nazarov V.D. Lev Vladimirovich Cherepnin (1905–1977). *Portrety istorikov. Vremia i sud'by*, vol. I. Moscow, Universitetskaya kniga Publ.; Jerusalem, Gesheharim, 2000, pp. 285–303. (In Russian)
- Nazarov V.D. Lev Vladimirovich Cherepnin: sud'ba i nauka (1905–1977). Cherepnin L. V. *Moia zhizn'. Vospominaniia. Kommentarii. Prilozheniia*, vol. 1. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2015, pp. 357–384. (In Russian)
- Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR*, vol. 4. Moscow, Akademiia nauk SSSR Press, 1966, 854 p. (In Russian)
- Pashuto V. T., Nazarov V. D. Pamiati starshego druga: O L'Ve Vladimiroviche Cherepnine. *Istoriia SSSR*, 1978, no. 1, pp. 144–156. (In Russian)
- Tikhonov V. V. *Moskovskaia istoricheskaia shkola v pervoi polovine XX veka. Nauchnoe tvorchestvo Iu. V. Got'e, S. B. Veselovskogo, A. I. Iakovleva, S. V. Bakhrushina*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2012, 320 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 15 января 2024 г.

Рекомендована к печати 12 октября 2024 г.

Received: January 15, 2024

Accepted: October 12, 2024